

© 2017 г.

А.Ю. СИДОРОВ

ЗАПАДНЫЕ СОЮЗНИКИ ОБ СССР: ВОСПРИЯТИЕ, СУЖДЕНИЯ, ОЦЕНКИ (1941–1945 годы)

Сидоров Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры междонародных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России (Москва, Россия).

Вторая мировая война и великий подвиг нашего народа остаются в центре внимания российской исторической науки. 70-я годовщина Победы была ознаменована выходом в свет нескольких фундаментальных научных и документальных исследований¹. Особое место в этом ряду занимает сборник документов и материалов «Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников», подготовленный профессорами МГИМО МИД РФ В.О. Печатновым, М.М. Наринским и доцентом МГИМО И.Э. Магадеевым². Книга выпущена под редакцией академика РАН А.В. Торкунова и получила финансовую поддержку РГНФ.

Восприятие воюющего СССР его западными союзниками является одной из наиболее востребованных тем в современной историографии Великой Отечественной. Российскими исследователями уже проделана немалая работа на этом направлении³. Однако основное внимание уделялось ими изучению англо-американского общественного мнения и прессы. Документы высшего политического руководства Великобритании и США, дипломатических и разведывательных ведомств, военного командования, ещё недавно находившиеся под грифом «секретно», пока недостаточно изучены отечественными историками. Книга «Путь к Великой Победе» существенно восполняет указанный пробел, являясь по-настоящему новаторским исследованием. Ее авторы-составители видели свою главную задачу в том, чтобы «максимально полно и объективно, на основе аутентичных документов представить читателю круг основных идей и представлений о Советском Союзе и его роли в войне», обсуждавшихся в руководящих кругах США, Великобритании (и отчасти Франции), а также показать их непростую эволюцию в ходе войны (с. 6).

Сборник содержит — полностью или в извлечениях — 322 документа, 270 из которых ранее никогда не публиковались (а почти все из прежде опубликованных на Западе не

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, в 12-ти т. М., 2011–2015; Великая Победа, в 15-ти т. Под общей ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова. М., 2015; *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: документальное исследование, в 2-х т. М., 2015.

² Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников: документы и материалы. Под ред. академика А.В. Торкунова; авторы-составители: В.О. Печатнов, М.М. Наринский, И.Э. Магадеев. М., 2015, 926 с.

³ См., например: Общественные силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995; *Поздеева Л.В.* Лондон — Москва: британское общественное мнение и СССР 1939–1945. М., 2000; *Буранок С.О., Суржик Д.В.* «Мы» и «Они». Великая Отечественная война в оценке общественности США и Великобритании: документы и материалы. Самара, 2014; «Мы» и «Они». Великая Отечественная война в оценке англо-американской общественности и современной историографии. Самара, 2015.

переводились и не издавались в России). Источниковую базу сборника составили архивы Ф. Рузвельта и У. Черчилля, военных штабов США и Великобритании, Госдепартамента и Форин офис, а также разведывательных сообществ западных держав из фондов Национального архива Великобритании и Национального управления архивов и документации США, отдела рукописей Библиотеки Конгресса, Библиотеки Ф. Рузвельта в Гайд-парке (Нью-Йорк) и Библиотеки Г. Трумэна в Индепенденс (Миссури). Кроме того, в сборник вошли документы из Национального и Дипломатического архивов Франции.

Западные архивные документы удачно дополняются рассекреченными материалами из Архива внешней политики МИД РФ — телеграммами В.М. Молотова, послов СССР в Лондоне И.М. Майского и Ф.Т. Гусева, послов СССР в Вашингтоне М.М. Литвинова и А.А. Громыко, Временного поверенного в Вашингтоне Н.В. Новикова, передающими умонастроения и планы их англо-американских собеседников. Для создания у читателя полноты картины в сборник включены некоторые значимые документы из числа ранее опубликованных (например, выдержки из британского доклада «Операция “Немыслимое”»⁴), а также несколько ярких статей из западной прессы военных лет.

Такое количество новых документов из западных архивов, посвящённых Второй мировой войне, вводится в научный оборот в России впервые. Диапазон и тематическое разнообразие архивных находок очень широки. В их числе — послания, телеграммы, письма, записки, записи бесед, меморандумы У. Черчилля, Ф. Рузвельта и Г. Трумэна, главы Форин офиса А. Идена, госсекретаря США К. Хэлла, военного министра США Г. Стимсона, послов Великобритании в Москве С. Криппса и А. Керра, послов США в СССР Л. Штейнгардта, У. Стэндли и А. Гарримана, временных поверенных в делах США в СССР Дж. Кеннана и в делах Великобритании в СССР Ф.К. Робертса, спецпредставителя президента США Дж. Дэвиса, начальника Штаба президента США адмирала У. Леги, помощника президента США вице-адмирала У. Брауна, начальника Штаба армии США генерала Дж. Маршалла, начальника британского Имперского генерального штаба фельдмаршала А. Брука, премьер-министра ЮАС Я. Смэтса, а также политические обзоры посольств, донесения военных атташе США, западных военных миссий в СССР, стенограммы заседаний британского Военного кабинета, аналитические документы МИД Великобритании, составленные его сотрудниками О. Сарджендом, К. Уорнером, Дж. Вильсоном, О. Харви, А. Дафф-Купером, аналитические бумаги госдепартамента США, подготовленные Ч. Боленом, А. Маклейшем, Х. Фуллертоном, концептуальные документы американских и британских структур военного и стратегического планирования (Объединенного комитета штабов флота и сухопутных сил США, Комитета начальников штабов Великобритании, Командования сухопутных сил США, Штаба командования ВМС США, Объединенного комитета военного планирования США, британского Штаба послевоенного планирования) и другие архивные материалы.

Более 70 вошедших в сборник документов родились в недрах западных разведывательных сообществ. К ним относятся, в частности, меморандумы и доклады американского и британского Объединенных разведывательных комитетов (ОРК), Военной разведывательной службы США, Управления стратегических служб (УСС) США (в том числе телеграммы и меморандумы директора УСС бригадного генерала У. Донована и резидента УСС в Берне А. Даллеса), сводки армейской разведки США («Джи-2»), разведсводки британского Военного министерства, доклады Управления политической разведки при Штабе генерала Д. Эйзенхауэра.

В сборнике представлены и документы, принадлежащие другим участникам антигитлеровской коалиции: документы генерала Ш. де Голля, сотрудников МИД Франции М. Дежана и Ж. Катру, а также послания и меморандумы премьер-министра

⁴ Доклад Штаба объединенного планирования Великобритании «Операция “Немыслимое”» от 22 мая 1945 г. был впервые опубликован в: *Ржевский О.А.* Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. — Новая и новейшая история, 1999, № 3, с. 98–104.

правительства Польши в эмиграции В. Сикорского, доклады главы военной миссии Чехословакии в СССР полковника Г. Пика.

Вошедшие в сборник документы существенно дополняют и углубляют сложившиеся в российской исторической науке представления об истинных суждениях и оценках, которые руководство США и Великобритании давали Советскому Союзу в годы войны, о сокровенных мотивах ключевых внешнеполитических решений западных союзников, о «кухне» их стратегического планирования и подоплёке некоторых их внешнеполитических действий. Составителя сборника стремились отобрать наиболее значимые, актуальные и интересные материалы, повлиявшие на формирование внешнеполитического курса западных держав, а также позволяющие представить многообразие мнений и подходов в отношении СССР. Лучшие из этих материалов отличает высокий уровень аналитики, прекрасное литературное обрамление, достоверность оценок и выводов.

Сборник «Путь к Великой Победе» выполнен в новом, весьма перспективном жанре документального исследования. Все его пять разделов предваряются аналитическими главами, которые, в сочетании с многочисленными комментариями к документам, образуют отдельное историческое исследование, имеющее самостоятельную научную ценность — своего рода «роман в романе», органично вплетённый в «архивную ткань» книги и позволяющий читателю глубже осмыслить публикуемые документы, помещая их в широкий международно-политический контекст. В этом смысле сборник дополняет подготовленное В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым уникальное двухтомное исследование военной переписки И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. В процессе его создания авторы проработали свыше 5000 ранее засекреченных документов из архивов России, Великобритании и США. Некоторые из них вошли в книгу «Путь к Великой Победе».

В аналитическом и тематическом разнообразии материалов сборника прослеживается несколько сквозных сюжетных линий. Первую из них составляют оценки западными союзниками военного и экономического потенциала СССР, боеспособности Красной армии, взаимоотношений Советской власти и общества. В 1941 г. они первоначально определялись инерцией антикоммунистических и антироссийских стереотипов и единодушно предрекали скорый крах СССР, «неминуемый советский коллапс». «В преддверии войны, — отмечал военный атташе США в Москве, — время, необходимое Германии для победы над Красной Армией, оценивалось в пределах от 3 недель до 4 месяцев» (с. 192). 16 июня 1941 г. его предшественник в этой должности пренебрежительно замечал: «Трудно представить, чтобы в малограмотной и технически отсталой стране могла бы возникнуть дееспособная Красная Армия» (с. 38). 23 июня 1941 г. военный министр США Г. Стимсон докладывал Рузвельту, что «Германия будет полностью занята вопросом нанесения поражения России в период, который составит минимум один и максимум три месяца» (с. 45). Подобный негативизм демонстрировал и госдепартамент. За день до германского нападения на СССР он рекомендовал не давать Москве никаких обещаний о помощи и не исключал, что США «откажутся признавать Советское правительство в изгнании», если СССР потерпит поражение (с. 41).

Не менее пессимистичным было восприятие ситуации британским руководством. Начальник Имперского генерального штаба Дж. Дилл отводил Советскому Союзу семь недель, посол в Москве С. Криппс — четыре недели, а 80% экспертов военного министерства, по свидетельству Г. Никольсона, полагали, что «Россия будет в нокауте через 10 дней»⁵.

В июле — августе 1941 г. в этих оценках появляются нотки удивления тем, что Красная армия ещё не сложила оружия. «Существует вероятность, — замечает А. Иден в письме Черчиллю 8 июля 1941 г., — что через месяц русские всё ещё будут продолжать

⁵ *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000, с. 300.

сражаться» (с. 51). Осенью 1941 г. западные столицы вновь захлёстывают ожидания «скорого и предсказуемого поражения России». 5 сентября 1941 г. кабинет министров предупреждает Черчилля: «Налицо зловещие признаки того, что Россия разваливается» (с. 70). В тот же день армейская разведка США называет потерю Ленинграда, Киева и Одессы «неизбежной», подчеркивая, что «Россия находится в критическом положении... На неё работают лишь её людские ресурсы и погода» (с. 71). О «неминуемом падении Ленинграда, а также прекращении связи с Мурманском» писал Черчиллю 17 сентября 1941 г. В. Сикорский (с. 82). Сам британский премьер в телеграммах С. Криппсу осенью 1941 г. дважды характеризовал положение СССР как «агонию» (с. 70, 101). Резюмируя этот апокалиптический настрой, американский военный атташе в Лондоне 9 октября 1941 г. констатировал: «Если в итоге ценой невероятных усилий и благодаря какому-то чуду русские армии смогут избежать полного разгрома, это станет эпосом, который будет жить на страницах истории многие века» (с. 97).

Приведённые выше суждения основывались не только на уверенности в превосходящей военной мощи «третьего рейха», но и на презумпции внутренней слабости СССР, вследствие чего он мог повторить участь Франции. Любопытно сопоставить их с помещёнными в сборнике материалами допросов американцами в июле 1945 г. гитлеровских составителей «плана Барбаросса». «На всю русскую кампанию, — показывал фельдмаршал Г. фон Рунштедт, — отводилось около десяти недель. ... Считалось, что русские сдадутся после первых больших поражений, ... скажут: “С нас хватит”. Расчёт делался только на это — ведь нельзя же за восемь недель дойти до Урала» (с. 860). Ему вторил бывший начальник Генштаба Ф. Гальдер: При рассмотрении плана операции против СССР самое важное было — «быстро нанести решающие удары, способные развалить весь большевистский режим, столь ненавистный русскому народу» (с. 857).

Контрнаступление Красной Армии под Москвой, неожиданное для западных союзников, потребовало от них глубокой переоценки всего комплекса представлений о России. В поисках ответа на вопрос: «Почему СССР выстоял?» Военное министерство США уже в январе 1942 г. подготовило доклад, в котором отмечало, что «колоссальной военной машине Гитлера» «недоставало двух составляющих, которые присутствовали во всех предыдущих германских кампаниях. Во-первых, деятельность «пятой колонны» напрочь отсутствовала... Во-вторых, не было возможности получить точные подробные донесения и оценки... прочности советского режима... Армии Гитлера пустились в плавание по неизведанным морям, и нацистские генералы, как и некоторые другие эксперты (видимо, англо-американские. — А.С.), несомненно, полагали, что русское население примет их с раскрытыми объятиями, и что сопротивление натиску Германии будет незначительным» (с. 163). «Битва с Россией перестала быть “блицкригом” и стала тяжёлым сражением, в котором русские не уступают нацистам, — подчёркивалось в докладе Военного министерства США. — Воля русских, как военных, так и гражданских, к сопротивлению неколебима» (с. 165–166). «Непревзойдённую стойкость населения» отмечало и американское посольство в СССР. «Суровые зимние условия, несомненно, помогли русским, но в то же время ударили по ним почти столь же тяжело, как и по агрессору, — сообщало оно в Вашингтон. ... Боевой дух советской армии, судя по всему, превосходит: любовь к русской земле и ненависть к врагу, похоже, оказались важнее прочих соображений» (с. 198–199).

Свои прежние подходы пересматривали и англичане. «Русские... не были необразованными или невежественными, как считали многие, — докладывал в феврале 1942 г. глава британской военной миссии в СССР генерал Ф.Н. Мэйсон-Макфарлейн. — Более того, русские, очевидно, узнали намного больше о ведении войны в условиях зимы в ходе войны с финнами, чем обычно считалось» (с. 170). Посетив участок фронта в районе Можайска, генерал весьма лестно отзывался об увиденном, в том числе о комиссарах — «капелланах Красной Армии с политическим кредо и доктриной вместо религии... Они здоровы, смекалисты и являются хорошими товарищами» (с. 171).

Так в документах рубежа 1941–1942 гг. появляется ещё одна сквозная тема, которая занимала умы союзников вплоть до победного мая 1945 г. и которую британский

маршал авиации Дж.Т. Бабингтон вынес в название своего меморандума: «Загадка советских военных успехов». В нём маршал констатировал, что разгадать её в рамках традиционного англо-саксонского менталитета не удаётся. «Любой адекватный подход к пониманию взлётов и падения в ходе войны в России, — писал он, — должен исходить из абсолютно нетрадиционных, неанглийских и объективных предпосылок... Ситуацию в России нельзя полностью понять с обычной “британской” точки зрения... Об одном можно сказать точно. Советская машина “работает”, и не просто работает, а делает это в условиях, которые западному наблюдателю с западным опытом и предубеждениями могут показаться “невозможными”» (с. 433–434).

Ряд документов содержит восторженные похвалы в адрес Красной армии, признание эффективности советской военной экономики и даже социальных достижений советского строя. Так, например, УСС США в феврале 1943 г. отмечало: «Налицо отсутствие националистических волнений, которые по прогнозам должны были произойти в Средней Азии, на Украине и в других районах. То, что этого не произошло, может отчасти объясняться жёстким контролем над этими (национальными. — *Авт.-сост.*) группами... Но более глубинная причина состоит в полном отсутствии чувств расового или национального превосходства со стороны какой-либо группы. Официальная политика развития национальных культур и меры поощрения культурной автономии принесли свои плоды в час испытаний... Моральное состояние гражданского населения выше всяких похвал» (с. 371–372). А американский генерал Д. Коннэли в своем отчете о поездке в СССР замечает: «Русские достигли удивительных успехов в деле пробуждения в каждом человеке стремления работать на общее благо» (с. 554).

Схожие мнения высказывались и англичанами. «Складывается впечатление, — писал в Лондон в октябре 1942 г. А. Керр, — что бесстрашие и чувство самопожертвования естественным образом присутствуют в каждом русском человеке, и я склонен думать, что русскому рабочему требуется лишь небольшое внешнее воздействие» (с. 279). «Пока мы не будем готовы сами вступить в бой, — заключал посол, — многое или, пожалуй, всё будет зависеть от духа русского народа. И дух этот до сих пор был непревзойдённым» (с. 281).

А вот что начальник УСС У. Донован сообщал в марте 1944 г. Рузвельту о поведении наших военнопленных в немецких концлагерях: «В целом, русские пленные сохранили свою веру в Сталина и абсолютную уверенность в окончательной победе. Русские военнопленные никогда не жалуются на [советский] режим и в целом не поддаются немецкой пропаганде. В большинстве своём русские пленные умеют читать и писать, и очень гордятся своей страной. Примечательно, как много простых русских крестьян и рабочих знакомы с литературой своей страны и проявляют к ней живой интерес. Очень часто первое, о чём они просят германские власти, — это материал для чтения. Немцев также сильно впечатлили знания и навыки русских техников, оказавшихся в плену» (с. 566–567). «Русские военнопленные, впоследствии распределённые по небольшим фермам, ... быстро снискали симпатии местного населения, — отмечал У. Донован. — Людей поразили их удивительные способности к изучению немецкого. После двух месяцев многие изыскались на нём лучше, чем иные после двух лет» (с. 566).

Роль ленд-лиза в военных успехах СССР западные союзники в своих закрытых документах характеризовали довольно сдержанно. «Мы не должны недооценивать колоссальных экономических достижений России, — говорил в сентябре 1943 г. Рузвельт архиепископу Нью-Йорка, кардиналу Ф. Спеллману. — Их финансы в здоровом состоянии... Русское производство так велико, что американская помощь, за исключением грузовиков, почти незаметна» (с. 439). Наиболее красноречивую оценку «величию советских экономических достижений» дало посольство США в Москве в своём одностороннем докладе, подготовленном уже по окончании войны (январь 1946 г.): «Великие достижения советского военного производства, — говорилось в нём, — показывают, чего может добиться даже та страна, половина экономических ресурсов которой была захвачена врагом, если все до последнего ресурсы мобилизуются для военного

производства. Хотя американская и британская помощь была важным, а по отдельным статьям и решающим фактором на Восточном фронте, факт остается фактом — подавляющая часть военной техники и оборудования, полученных Красной Армией, была произведена самими русскими из своего сырья и материалов... С учетом всех сопутствующих обстоятельств это было ничто иное, как чудо, основная заслуга в котором по праву принадлежит советскому государству, сумевшему организовать это огромное производство» (с. 865).

Вернёмся в 1942 год. Провал блицкрига означал, по мнению многих западных аналитиков, переход войны в стадию взаимного истощения сторон. При этом оценки американских дипломатов и разведчиков в 1942 г. отличались большим скептицизмом по сравнению с британскими. «Советы не смогут победить немцев с помощью наступательной стратегии, — докладывал военный атташе США в Москве, — ... Мало что указывает и на возможность краха советского сопротивления; в конце 1942 года и Германия, и Советский Союз будут крайне ослаблены» (с. 195). Американское посольство в СССР сомневалось, что «русские смогут удержать Кавказ, если его захват станет целью Германии» (с. 197), а УСС в разгар Сталинградской битвы отказывало Красной Армии в способности переломить её ход. «С июня [1942 г.] Советский Союз стал слабее, чем в прошлом году, — утверждалось в его докладе “Ситуация на русском фронте”. — Трудно ожидать, что русские смогут использовать зимний позиционный тупик и организовать контрнаступление, как в прошлом декабре. Кроме того, немцы намного лучше подготовлены к зимней кампании, чем в прошлом году. Русские не смогут организовать масштабные военные действия следующей весной» (с. 268).

В то же время в отношении нацистской Германии западные оценки были порой весьма проницательными. Так, например, армейская разведка и ОРК США прогнозировали, что летом 1942 г. «Германия сможет нанести удар, равный по мощи тому, что был нанесён 22 июня», «наиболее вероятной крупной наступательной операцией Германии в 1942 г. ... будет наступление в России с целью... получения доступа к нефти на Кавказе», и летом — осенью немцы «вынудят СССР оставить значительные территории» (с. 186, 177, 207). Форин офис также предполагал, что «германская армия... развернёт наступление — если не по всей линии фронта, то в любом случае на южном направлении, ставя себе целью дойти до Кавказа» (с. 172), а британский ОРК считал, что «главная битва, по-видимому, будет на юге, и немцы... возможно, добьются успеха на начальном этапе... В период с августа по сентябрь вероятно быстрое развитие событий вплоть до кульминации» (с. 220—221). Весьма точные прогнозы давала польская разведка, сообщавшая в Лондон, что «главный удар немцев будет направлен на СТАЛИНГРАД, побочный удар — на РОСТОВ. После захвата СТАЛИНГРАДА основной удар будет направлен на юг в сторону Кавказа» (с. 210). Западные оценки оказались, таким образом, более достоверными, нежели прогноз Сталина, ожидавшего главного удара вермахта вновь на московском направлении.

Как видно из публикуемых документов, союзники долгое время опасались заключения СССР и нацистской Германией сепаратного мира. Предположения на сей счёт высказывали МИД и ОРК Великобритании, военные атташе и армейская разведка США. Подобная возможность зачастую связывалась ими с отсутствием второго фронта в Европе. «До тех пор, пока союзники не развернут крупное наступление в 1942 году, — докладывал 13 мая 1942 г. военный атташе США в Каире, — сохранится возможность того, что Сталин заключит сепаратный мир» (с. 217). «Если потери будут большими, поддержка из-за рубежа — недостаточной, а нападение Японии покажется неминуемым, то возможно заключение сепаратного мира с Германией, по которому к последней может отойти территория к западу от Волги», — прогнозировала 1 апреля 1942 г. армейская разведка США (с. 207—208). В декабре 1942 г. Форин офис предполагал, что сепаратный мир возможен, «если у Сталина сформируется убеждение в том, что... он не может ожидать от США и Великобритании реального сотрудничества на основе равенства и честности... Это дало бы ему возможность вести игру после войны с позиции сильного, но одинокого игрока» (с. 300). В октябре 1942 г. Рузвельт опасался,

что посол У. Стэндли везёт ему сверхсекретное послание от Сталина, которое может содержать информацию о возможном сепаратном мире СССР с Германией в случае, если помощь союзников не будет увеличена⁶.

В западных документах не раз встречаются сетования по поводу «явной наклонности русских к подозрительности», «славянской способности сомневаться в чужих мотивах» и «подозрительного русского ума». Однако недюжинные способности по этой части демонстрировали сами союзники. Опасения насчёт «компромиссного мира на Востоке» встречаются в их документах 1943 г., в частности, в донесении А. Даллеса 13 мая 1943 г. (с. 395) и даже в феврале 1945 г. в записке помощника президента США вице-адмирала У. Брауна, в которой отмечалось, что «русское наступление (Висло-Одерская операция. — А.С.) так долго откладывалось», что появились «сомнения по поводу того, что русские вообще имеют намерение уничтожить военную мощь Германии. Также ходили туманные слухи о возможности сепаратного мира» (с. 745). УСС тем не менее полагало, что «миф о возможных договорённостях между Германией и Россией» был развеян в конце 1943 г. «результатами Московской и Тегеранской конференций» (с. 516). Более того, Черчилль в беседе с французским дипломатом Ш. Корбеном в ноябре 1944 г. заметил, что эта «идея... оказалась, к счастью, химерой» (с. 667).

Думается, что в специфических страхах англо-американцев угадывается проекция на СССР их собственной психологии, а также геополитических расчётов на случай устранения Гитлера немецкой армейской верхушкой. Так, например, в одном из докладов британского ОРК (февраль 1943 г.) рассматривалась ситуация, когда «немецкие военачальники... сосредоточат свои войска и свои усилия на противостоянии натиску с востока, и оставят западные рубежи беззащитными для британских и американских войск,... не просто позволят британским и американским войскам войти в страну, но и сами пригласят их» (с. 363—364).

Значительное место в сборнике уделено проблематике второго фронта. Ряд документов, например, меморандум Дж. Маршалла Рузвельту (март 1942 г.) и меморандум Рузвельта от 6 мая 1942 г. подтверждают, что США всерьёз рассматривали возможность высадки во Франции осенью 1942 г. «Если крах России представляется неминуемым и потребуются отчаянные действия, можно начать наступление, невзирая на жертвы, — докладывал Дж. Маршалл президенту, предлагая предпринять «чрезвычайное наступление... в районе 15 сентября 1942 г.» (с. 204). Высадку в Северной Африке военное командование США пренебрежительно именовало «булавочным уколом», который «даже в случае её успеха, вряд ли приведёт к переброске с русского фронта хотя бы одного немецкого солдата, танка или самолёта» (с. 224). В свою очередь, О. Сарджент, третий человек в иерархии британского МИД, высказывал озабоченность тем, что войска союзников не смогут «появиться в Европе своевременно», и тогда «мир — по крайней мере, на европейском континенте — был бы установлен только благодаря Советскому Союзу, который бы действовал в одиночку и не был контролируем» (с. 175).

Настойчиво призывал к открытию второго фронта в 1942 г. В. Сикорский. «Опасения перед новым Дюнкерком в настоящее время беспочвенны, — писал он А. Идену. — Четыре пятых сил Германии задействованы на восточном фронте, а оставшаяся одна пятая разбросана на огромных территориях по всей Европе. Более того, в плане качества германские дивизии несравнимы с дивизиями времен Дюнкерка или с теми, что... вскоре будут задействованы на восточном фронте» (с. 151). С призывом «воспользоваться... почти полной незащищённостью Западной Европы» для «нанесения разящего удара в сердце Германии» В. Сикорский обращался и к Дж. Маршаллу (с. 210—211). Как отмечала американская сторона, «если прошлой осенью генерал Сикорский невысоко оценил потенциал Советской Армии, то теперь, напротив, он опасается, что её не получится сдержать до того момента, как Польшу присоединят к территории

⁶ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Указ. соч., т. 1, с. 250.

СССР» (с. 170). Вместе с тем оценки В. Сикорским возможностей вермахта в Западной Европе разделял и ОРК Великобритании, который 16 июля 1942 г. докладывал: «Численность [германских] сухопутных и военно-воздушных сил во Франции, Нижних землях (государствах Бенилюкса. — А.С.) и Норвегии была сокращена ниже минимума, необходимого для защиты от вторжения» (с. 231).

Архивные документы показывают ключевую роль Черчилля в затягивании открытия второго фронта. Оценивая положение СССР даже в драматические осенние месяцы 1942 г. как «вовсе не отчаянное»⁷, он полагал, что высадка союзников во Франции «зависит не от провала России, но от её успеха и, как следствие, явной деморализации немцев на западе»⁸. Как отмечают В.О. Печатнов и И.Э. Магадеев, Черчилль «видел открытие второго фронта в Западной Европе как возможное использование военного успеха СССР, а не как действие, направленное на оказание ему помощи»⁹. Премьера поддерживал Объединённый разведывательный комитет, предлагавший в 1942 г. «как только станет ясно, что Германия находится на грани краха, мы должны без колебаний сразу же высадиться на континенте» (с. 208). Союзники уже не исключали внезапного коллапса нацистского режима. Так, например, 1 июля 1942 г. британская разведка прогнозировала: «Если немцы осознают, что они не смогут позволить себе ещё одну зимнюю кампанию в России, и при этом столкнутся с угрозой англо-американского вторжения с запада, то их крах, как и в 1918 году, последует с поразительной быстротой» (с. 221).

В западных калькуляциях относительно второго фронта обнаруживается один любопытный аспект, на который осенью 1941 г. обращал внимание И.М. Майский. «Британское правительство продолжает отклонять идею второго фронта на Западе, — писал он Сталину. — Почему? Конечно, в поведении британского правительства скажется вековая традиция вести войны чужими руками, но основное здесь всё-таки не это. Основное — это страх перед германской военной машиной. И должен откровенно сказать, что страх британского правительства небезоснователен» (с. 111). Видимо, наблюдения И.М. Майского запали в память Сталину. Он использовал их как аргумент в ходе переговоров с Черчиллем в августе 1942 г. когда, по словам последнего, «говорил много неприятных вещей, особенно о том, что мы слишком боимся немцев»¹⁰. Действительно, подобного рода опасения не оставляли союзников вплоть до 1945 г. «Как только мы всерьёз вступим на континент, — делился ими Черчилль в телеграмме Идену 1 апреля 1944 г., — у них [русских] появится рычаг для шантажа, которого пока у них нет, — ... намекнуть немцам на то, чтобы они перебросили больше сил на Запад» (с. 572). По мнению ведущего американского «русиста», дипломата Ч. Боленна, «ведение... активных военных действий [русскими армиями] против немцев было, возможно, главным приоритетом для обеспечения победы союзников. По сути, в глазах нашего руководства эта ситуация оставалась неизменной до кануна победы в мае 1945 года. Более того, она стала ещё более актуальной после нашей высадки в Нормандии в июне 1944 года, так как относительно небольшое число наших дивизий встретилось с ограниченным числом немецких дивизий на Западном фронте, и любое послабление со стороны русских армий (тут не обязателен был бы даже сепаратный мир) могло высвободить достаточное число немецких дивизий с Восточного фронта для того, чтобы на Западном фронте произошла военная катастрофа... В отношении Европы, тем самым, победа в войне зависела от поддержания давления русских на основную часть немецких армий» (с. 872). «Очень скоро... мы планируем начать крупномасштабную операцию ОВЕРЛОРД, — писал Черчилль Рузвельту в октябре 1943 г. — Среди этих войск не будет ни единого русского солдата. *С другой стороны, вся наша судьба зависит от них* (курсив авторов-составителей)» (с. 463). В свою очередь, американские

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 222.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 226.

военные весьма реалистично оценивали соотношение «второго» и «первого» фронтов. «Когда бы союзники не открыли на континенте второй фронт, он будет явно второстепенным по отношению к русскому фронту, который останется главным, — отмечалось в меморандуме генерал-майора Дж. Бёрнса «Положение России» (август 1943 г.). — Без России в войне страны «оси» не могут быть побеждены в Европе, и положение Объединённых Наций останется крайне шатким» (с. 416–417).

Вместе с тем чрезмерно тянуть с открытием второго фронта для западных держав тоже было опасно. Как иронично заметил Сталин в беседе с главой ФКП М. Торезом, «конечно, англо-американцы не могли допустить такого скандала, чтобы Красная Армия освободила Париж, а они бы сидели на берегах Африки»¹¹. 6 июня 1944 г. войска союзников высадились в Нормандии. Красная Армия к этому времени уже готовилась пересечь границы СССР.

Глубокая зависимость от военных успехов СССР вынуждала западных союзников проявлять большие, чем когда-либо, терпимость и понимание его интересов безопасности, в первую очередь, в части признания его довоенных западных границ. «После двух войн, которые унесли от 20 до 30 миллионов русских жизней, Россия имеет право на полную безопасность своих западных границ, — отмечал Черчилль в телеграмме Идену 7 января 1944 г., поясняя мотивы решения Лондона признать советско-польскую границу по состоянию на 22 июня 1941 г.: «Мы объявили войну из-за Польши..., но мы никогда не брали на себя обязательств защищать существующие польские границы... Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского состояния и само существование польской нации оказалось бы под ударом. Доблесть и стойкость русских армий освобождают Польшу, и никакая другая сила не смогла бы этого сделать. Польша теперь становится большим независимым государством в центре Европы с прекрасной береговой линией и лучшей территорией, чем прежде... Они [поляки] будут дураками, если вообразят, что мы пойдем на войну с русскими ради восточной границы Польши. Народы, оказавшиеся неспособными защитить свою страну, должны в разумной мере принимать руководство со стороны стран, которые их спасли и обещают свободу и безопасность в будущем» (с. 515).

Примечательно, что очень многие западные оценки внешнеполитических намерений Москвы, относящиеся к 1943–1944 гг., исходили из того, что Советский Союз не планирует «советизировать» Восточную Европу. «Их [русских] позиция заключается в том, чтобы избегать какого-либо вмешательства во внутренние политические дела других государств, — докладывал Дж. Дэвис Рузвельту в мае 1943 г. — Это... обусловлено политикой добрососедства с окружающим миром, принципом которой является “живи и дай жить другим”» (с. 398). Посол США в Москве У. Стэндли был более осторожен: по его мнению, «Советское правительство все еще не определило свою послевоенную политическую линию» и стремится «с характерным для него реализмом подготовиться к любому сценарию развития событий» (с. 424). Его преемник А. Гарриман в телеграмме госсекретарю К. Хэллу (апрель 1944 г.) отмечал, что «установление коммунистических режимов в Европе не является текущей целью Советского Союза, хотя обеспечение условий для полноценного выражения политических позиций коммунистических партий является, по всей видимости, чётко сформулированной задачей» (с. 579).

Аналогичные мнения высказывали британские и французские дипломаты. «Всё указывает на то, что режим отказался от теории мировой революции и что коммунистические партии и организации за рубежом рассматриваются им сейчас исключительно как инструменты, которые (где это целесообразно) могут быть использованы для обеспечения своих интересов, по мере их прояснения, — докладывал А. Керр в Форин офис в августе 1944 г. — Это будут интересы России как государства уже далеко не революционного типа» (с. 626). В свою очередь, представитель ФКНО в Лондоне

¹¹ *Наринский М. М.* Сталин и М. Торез. 1944–1947. Новые материалы. — Новая и новейшая история, 1996, № 1, с. 28.

М. Дежан полагал, что СССР «стремится обустроить на периферии своей территории в Европе и в Азии зону политической безопасности, сформированную непрерывной цепью дружественных стран... Советы готовы уважать независимость этих стран; они не требуют там исключительного влияния, но они не хотят терпеть там режимы или правительства, постоянно враждебные в отношении СССР. “Санитарный кордон” они намереваются заменить “поясом безопасности”» (с. 459). Даже такой скептик, как Черчилль в ноябре 1944 г. в частном разговоре с французом Ш. Корбеном заметил, что, по его мнению, «русские на данный момент, по всей видимости, действительно расположены уважать независимость и суверенитет балканских стран при условии, само собой разумеется, что во главе них не будут стоять правительства антисоветской направленности. Представляется, что “советизация” или “русификация” Юго-Восточной Европы не являются целью политики Москвы» (с. 668).

Отмечая явную деидеологизацию внешней политики СССР в военные годы, союзники связывали её с личностью Сталина и с другими «жесткими реалистами, каковыми являются хозяева Кремля» (с. 455). «Реалист» — такова наиболее часто встречающаяся характеристика Сталина западными лидерами и аналитиками. Черчилль в беседе с И.М. Майским 9 февраля 1943 г. заявил: «Я говорил президенту [Рузвельту]: Сталин — реалист» (с. 354). В сентябре 1943 г. Рузвельт в беседе с кардиналом Ф. Спеллманом говорил, что «он легче сможет прийти к взаимопониманию со Сталиным, чем Черчилль. Черчилль слишком идеалистичен, он же реалист. Таков и Сталин. Тем самым понимание между ними на реалистичной основе вполне возможно» (с. 438). «Будучи реалистами, руководители Советской России уважают реализм и в других, — подчёркивал А. Керр, — Они ни в коем случае не придерживаются догматического подхода к проблемам, с которыми сталкиваются» (с. 628—629). Ни в Лондоне, ни в Вашингтоне не ставились под сомнение договороспособность и прагматизм сталинского руководства, его готовность к сотрудничеству и компромиссам.

Под этим углом зрения западные державы рассматривали и роспуск Коминтерна. Британское посольство в СССР, отметив, что Коминтерн, как повсеместно признавалось, «давно отжил свой век», расценило ликвидацию этой «обузы режима» как «событие первостепенной важности», «своего рода шок для многих убеждённых членов партии» и в то же время — как «обнадеживающий сигнал того, что Советское правительство хотело бы улучшить отношения с Великобританией и США» (с. 484).

Западные аналитики внимательно наблюдали и за внутриполитическими переменами в СССР, суть которых британское посольство охарактеризовало как «процесс замены идей о мировой революции советским патриотизмом» (с. 490). Уже осенью 1942 г. А. Керр отмечал «попытки подвести под советский режим основу, завязанную на религию и традиции ... В воздухе ощущается нечто новое, своего рода пробуждение нового духа, формирующегося на базе возвращения к традиционным устоям» (с. 270). «Есть надежда, более того, вера в то, что война положила конец некоторым из более ранних и радикальных проявлений советской системы, — подчёркивал посол. — ... Война пробудила в русских... осознание своих старых приверженностей, которые сначала пыталась подавить революция... Война вселила в людей этот новый дух, и если бы не она, то его бы и не появилось» (с. 270). В 1943 г., по мнению посольства, «движение в сторону восстановления традиционных ценностей, которое набирало обороты с начала войны, стало развиваться ускоренными темпами» (с. 481). В 1944 г. о «глубоких изменениях в Советской России» публично заговорил Черчилль. «Троцкистская форма коммунизма полностью исчезла, — заявил он, выступая в Палате общин 24 мая 1944 г.— ... Религиозная сторона русской жизни переживает прекрасное второе рождение. Дисциплина и корректность русских армий не имеют себе равных» (с. 593). Вернувшись в октябре 1944 г. из Москвы, премьер с удовлетворением констатировал: «Переговоры проходили в атмосфере подлинной дружбы... По всем вопросам русские ведут себя как абсолютно лояльные союзники» (с. 667, 668).

В главах сборника, посвящённых событиям 1944—1945 гг., центральное место занимают вопросы послевоенного урегулирования. Из них видно, что «большая тройка»,

как минимум, до весны 1945 г. отнюдь не была обречена на распад и конфронтацию. Сохранение дружественных отношений с СССР считали необходимым и возможным влиятельные фигуры в Вашингтоне и Лондоне. Приверженность Рузвельта послевоенному сотрудничеству с СССР на основе его «приручения» и включения в «семейный круг» великих держав хорошо изучена в современной историографии. Президент США выражал надежду на то, что «русский режим на 40% станет капиталистическим, а капиталисты сохраняют лишь 60% от своей системы, и тем самым взаимопонимание будет возможно» (с. 440). В порыве откровенности он однажды даже сказал А. Гарриману, что его «не очень тревожит, будут ли пограничные с СССР страны советизированы или нет»¹². Настрой Рузвельта разделяло его окружение (Дж. Дэвис, Г. Гопкинс, У. Леги). Отмечая «недавнее феноменальное развитие до сих пор скрытой экономической и военной мощи России... феномен, который ещё не достиг своего максимума» (с. 592), У. Леги в письме К. Хэллу в мае 1944 г. делал вывод: «С точки зрения национальной и всемирной безопасности наша основополагающая политика в послевоенном урегулировании должна стремиться к поддержанию солидарности трёх великих держав» (с. 591—592). А заместитель директора Администрации по внешнеэкономической деятельности США, «ялтинец» О. Кокс в меморандуме Г. Гопкинсу от 14 мая 1945 г. подчёркивал: «Дружественные отношения между США и СССР фундаментально необходимы, чтобы обеспечить всеобщий мир и безопасность на протяжении жизни нескольких последующих поколений» (с. 807—808). Он полагал, что «существует очень мало непосредственных конфликтов национальных интересов США и СССР (если таковые вообще есть)», и выражал опасение, что «Великобритания и Китай, возможно, будут стремиться (причём нередко неосознанно) к тому, чтобы столкнуть США и СССР» (с. 808).

В пользу послевоенного сотрудничества с Москвой высказывались некоторые ведущие сотрудники Форин офиса. «За всю короткую историю СССР не было ничего, чтобы могло бы дать основание считать, что русские вынашивают планы агрессии в отношении своих соседей или мечтают о завоевании Европы или всего мира, — писал Идену в мае 1944 г. британский представитель при ФКНО А. Дафф-Купер. — Энтузиазм коммунистического “крестового похода”, по-видимому, поутих... Война причинила русским огромные страдания, и развитие собственной империи создаст широкие возможности для применения энергии русского народа на многие годы... Имеются веские основания надеяться, что страх перед Россией окажется иллюзорным» (с. 596). Сам А. Иден в меморандуме «Советская политика в Европе» от 9 августа 1944 г. высказывал убеждение, что основанием послевоенной политики Лондона «должен быть англо-советский союз, направленный на предотвращение повторения немецкой агрессии» (с. 619). Британский Объединённый разведкомитет также исходил из того, что «Россия, по крайней мере, попробует проводить политику сотрудничества с Британской империей и Соединёнными Штатами. Она сочтёт естественным, что мировые дела будут вершиться в основном этими тремя державами, и будет взирать на любую организацию безопасности как форму великого союза, посредством которого этот триумvirат сможет решать споры меньших стран» (с. 688—689).

Западные державы считали, что послевоенная политика СССР будет определяться, главным образом, интересами его безопасности и решимостью «навсегда предотвратить угрозу ужасающих разрушений и бедствий войны, дважды испытанных ею в течение жизни одного поколения» (с. 688). По мнению Форин офиса (доклад от 29 апреля 1944 г.), «Россия посвятит много лет колоссальной задаче послевоенного восстановления и дальнейшего развития своих территорий. Во внешних сношениях всё будет как прежде (по крайней мере, после победы Сталина над Троцким) — стремление к безопасности в отношении любой державы или комбинации держав, которая может угрожать России... Она в особенности будет бояться восстановления Германии» (с. 580).

¹² Печатнов В. О. Ялта — кто виноват? — Россия XXI, 2000, № 2, с. 128.

Как отмечалось в докладе британского ОРК (декабрь 1944 г.), «Россия... подстрахуется на случай провала [ООН]... путём создания системы буферных государств вдоль своих границ, тесно связанных с Россией, и за счёт ликвидации на возможно более длительный период способности Германии и Японии к агрессии» (с. 689). Своих соседей Советский Союз будет рассматривать как «естественную сферу влияния» и «защитный пояс». «В случае столкновения в будущем с коалицией враждебных государств первый удар нападающих должен быть встречен как можно дальше от российских границ, — указывалось в докладе ОРК. — Такая система увеличит глубину обороны России, даст ей больше времени для мобилизации, уменьшит вероятность ведения войны на русской земле и не даст противнику заручиться поддержкой своих соседей» (с. 689—690). Кроме того, подчеркивала британская разведка, «вне границ этого бастииона из связанных с собой стран Россия сделает всё, чтобы обеспечить ситуацию, при которой Германия и Япония как можно дольше оставались бы неспособными к агрессии... Важным мерилom их [западных держав] стремления к сотрудничеству она будет считать их решимость держать Германию ослабленной ... Любой шаг к примирению между Германией и западными державами она будет рассматривать как потенциальную угрозу своей безопасности» (с. 690). Россия после войны, резюмировал ОРК, «не встанет на путь агрессивной территориальной экспансии» (с. 691). Даже британский посол А. Керр, порой проявлявший в своих депешах открытую враждебность к СССР, констатировал в марте 1945 г., что советская политика «по-прежнему остаётся политикой ограниченных целей, ни одна из которых не наносит непосредственного урона важнейшим британским интересам» (с. 755).

Вместе с тем с весны 1944 г. в британской и американской ведомственной аналитике постепенно начинает реанимироваться негативный образ СССР как агрессора и угрозы «цивилизованному миру». Пальма сомнительного первенства в «демонизации» Москвы принадлежала военным планировщикам. В меморандуме Штаба армии США от 13 мая 1944 г. СССР назывался «непредсказуемым» и «случайным» союзником и подчёркивалось, что «презумпция о том, что для поддержания мира надо умиротворять СССР, в корне неверна» (с. 591). В августе 1944 г. британский Штаб послевоенного планирования, где заседали, в основном, военные, подготовил проекты двух концептуальных документов, которые открыто рассматривали СССР как будущего врага номер один и предлагали создать «западноевропейскую группировку государств, ... которая должна включать часть Германии, если не всю её» (с. 621). «Германия станет ключом к безопасности наших островов в будущем, — говорилось в этих проектах, — ... может прийти время, когда нам придётся опираться на её поддержку против враждебного Советского Союза... Расчленение Германии будет в долгосрочном плане нашим стратегическим преимуществом, если нам потребуется немецкая помощь против враждебного Союза Советских Социалистических Республик. ... Весьма маловероятно, чтобы подобную помощь нам предоставила бы единая Германия, но мы можем надеяться, что включим части расчленённой Германии в северо-западную европейскую группировку, тем самым усилив и углубив нашу оборону. По крайней мере, расчленение уменьшит вероятность, что вся Германия попадёт в советскую орбиту и объединится с Советским Союзом против нас» (с. 621, 622).

Данные документы примечательны тем, что рассматривают СССР, вне зависимости от проводимой им политики, как имманентно враждебную Западу силу. Они были подготовлены летом 1944 г., на пике союзничества «большой тройки», но в них уже явственно чувствовалось дыхание «холодной войны» и проступали контуры идеологии «сдерживания».

МИД Великобритании подверг эти проекты критике, выдвинув против них весомые аргументы. А. Иден указывал, что в случае образования в Европе блока, враждебного СССР, «его остриём... может быть только возрождённая Германия» (с. 616). В таком случае, отмечал британский «русист», дипломат Дж. Уилсон, «русские примут то же самое в Восточной Европе. Эти два военных блока будут, скорее, представлять собой угрозу миру, а не гарантию его безопасности... Позиция, которую

занимает Форин офис, состоит в том, что если военные будут строить планы на основе таких рассуждений, то они сделают неизбежной ту самую опасность, которой хотят избежать. ... В любом случае, англо-советский договор является одной из основ всей нашей внешней политики, и невозможно одновременно прикладывать все усилия, дабы этот договор работал, и в то же время основывать наши военные планы, исходя из допущения, что следующая война будет вестись против стороны, с которой мы этот договор заключили» (с. 642–644). «Если в Западной Европе будет создана здоровая система безопасности, — резюмировал А. Иден, — ... она должна напрямую основываться (а) на англо-советском союзе, (б) на ясно выраженном намерении более никогда не допустить возрождения могущественной Германии и, (с) если возможно, быть в рамках Всемирной организации, которая сама будет опираться на союз или тесное согласие между Соединённым Королевством, Соединёнными Штатами и Советским Союзом» (с. 612). Очень конструктивная концепция, увы, так и оставшаяся на бумаге.

В конфронтационном ключе эволюционировала и американская внешнеполитическая мысль. УСС в докладе от 2 апреля 1945 г. утверждало: «Если Россия станет на путь экспансии — либо ввиду недоверия к другим державам, либо ради самой экспансии — у США не будет иного выбора, кроме как принять все необходимые контрмеры в ожидании ещё одной мировой войны. Мы не можем медлить с принятием ряда таких мер до тех пор, пока русская политика обнаружит себя полностью» (с. 773). Доклад квалифицировал СССР как «огромную угрозу» для США, «если [он] преуспеет в объединении ресурсов Европы и Азии под своим контролем» (с. 773) и намечал меры по противодействию Москве: размещение американских войск в Европе и создание Западного союза.

В 1944–1945 гг. на первый план в отношениях западных держав и СССР выходит проблематика Восточной Европы. Анализируя политику Москвы в этом регионе, А. Гарриман докладывал в госдепартамент: «Выражаясь в понятных нам терминах, я считаю, что намерения советской стороны заключаются в создании сферы влияния, в которую войдут западные соседи СССР на Балканах» (с. 638). Дж. Кеннан, замещавший А. Гарримана в январе 1945 г., задавался вопросом: «Почему бы нам не найти достойный и четкий компромисс — честное разделение Европы на сферы влияния, без нашего вторжения в их сферу и с охранением нашей сферы от них? Это было бы лучшим, что мы можем сделать для себя и своих друзей в Европе, и это был бы наиболее честный подход к русским» (с. 728). В таком же ключе поначалу мыслил и Черчилль, предложивший в октябре 1944 г. Сталину неформальную сделку, установившую «процентное» соотношение британского и советского влияния на Балканах.

За признание интересов СССР в регионе высказывались ФКНО и МИД правительства Ш. де Голля. В «Записке о советской политике» М. Дежан отмечал: «Не может быть и речи о том, чтобы систематически противостоять устремлениям великого народа и отрицать права, которые даёт ему гигантский вклад, внесённый в общую борьбу. Довольно трудно различить в этих устремлениях те, которые являются легитимными, и те, обоснованность которых является спорной. Представляется возможным единственный критерий: соотношение противостоящих сил» (с. 455). В другой своей записке «СССР, Балканы и проливы» М. Дежан прогнозировал: «Вся русская политика на Балканах будет состоять в том, чтобы устранить в этом регионе влияние какой-либо великой державы, которая могла бы поставить под вопрос преобладающую роль, которую Россия отводит для себя на Чёрном море... Она понимает, что наилучший способ устранить влияние какого-либо государства — это заместить его своим собственным влиянием, предприняв все необходимые меры против превратностей судьбы» (с. 682). М. Дежан делал вывод о том, что СССР может стать фактором регионального равновесия, а поскольку «Франция нуждается в равновесии», не в её интересах противодействовать советским устремлениям на Балканах (с. 682).

Однако идея сотрудничества с СССР на базе раздела сфер интересов в западных столицах не прижилась. У неё оказалось слишком много влиятельных противников. В Вашингтоне, например, против неё активно возражал госсекретарь К. Хэлл,

который ещё в начале 1944 г., усмотрев «признаки нацеленности СССР на решение проблем в Восточной Европе в одностороннем порядке», выступил с критикой «односторонних действий» Москвы, её «самоуправного метода одностороннего решения своих специфических проблем и одностороннего курса... на международной арене, опирающегося на фактор силы» (с. 545—547). Единомышленником К. Хэлла был А. Гарриман. «Между нами и Советским правительством, — докладывал он госсекретарю в сентябре 1944 г., — существует фундаментальное различие относительно определения термина “дружественное правительство”... Оно, несомненно, ожидает получить от нас полную свободу действий в отношении своих западных соседей... Если мы предоставим СССР полную свободу действий по отношению к одной стране, это приведёт к созданию прецедента» (с. 639). Гарриман рекомендовал Вашингтону «посредством своего влияния... сдерживать стремление СССР к господству в каждой отдельной стране» (с. 639). В телеграмме Г. Гопкинсу (сентябрь 1944 г.) посол высказывал ещё одну занятую рекомендацию, совсем в «духе XXI века»: «Наша задача заключается в том, чтобы укрепить влияние тех из окружения Сталина, кто хочет играть по нашим правилам и показать Сталину, что советы людей, призывающих к занятию жёсткой позиции, приводят к проблемам» (с. 635).

На «когнитивный диссонанс» в отношениях с Москвой жаловался А. Керр. «Мы должны отдавать себе отчёт в том, что слово “сотрудничество”, подобно слову “демократия”, имеет разный смысл в Советском Союзе и на Западе, — сетовал британский посол. — Похоже, что здесь это означает что-то вроде раздела мира на зоны влияния и молчаливое согласие, что пока границы этих зон не перейдены, ни один из партнёров не будет мешать действиям другого» (с. 756). Весной 1945 г. даже ранее лояльный в отношении СССР Форин офис охладил к идее разграничения британских и советских интересов и влияния в Восточной Европе. «Было бы легче заключить выгодную сделку с Советским правительством, если бы мы были готовы признать их исключительные интересы в определённых странах, — отмечалось в меморандуме, подготовленном О. Сарджентом... Но принятие этого курса немислимо. ...В глазах мира это покажется циничным предательством небольших наций, чьи интересы мы присягнули защищать. Для нас самих это означало бы отказ от наших прав как великой державы заниматься делами всей Европы, а не только тех её частей, которые представляют для нас особенный интерес» (с. 771). В этой фразе — и реальная геостратегическая мотивировка внешнеполитического курса, и его идеологическое обоснование — «защита интересов малых наций».

В заключительной главе сборника наглядно прослеживается происходившая в 1945 г. стремительная смена западной «стратегической парадигмы». Всего за несколько месяцев руководители Великобритании, а затем и США прошли путь от «бурного ощущения братства в Ялте» (Керр — Идену, 27 марта 1945 г.) (с. 753) к восприятию СССР как нового главного противника. Переломным в этом отношении стал апрель 1945 г., когда внезапная смерть Рузвельта — наиболее влиятельного сторонника послевоенного сотрудничества с Москвой — совпала со стремительным освобождением англо-американскими войсками большей части Германии и капитуляцией группировки вермахта на севере Италии. Союзники впервые за всю войну по-настоящему перестали нуждаться в помощи Красной армии, что моментально ужесточило их политику в отношении СССР. «С внезапным, почти неожиданным прорывом на Западе, когда германские армии стали разваливаться..., ситуация в корне изменилась... Союзники встречают их [русских] в Германии на равных (с. 767), — с удовлетворением подчёркивалось в меморандуме Форин офиса от 2 апреля 1945 г. — ...Мы пытались расположить к себе Сталина, когда мы были слабы... Не настал ли момент честно поговорить с Советским правительством, показать ему наше возмущение, сформулировать, на что, по нашему мнению, мы имеем право? Цель нашего разговора начистоту будет двойной: а) режим в отношении Германии и Австрии и б) создание санитарного кордона» (с. 770). Новый президент США Г. Трумэн на совещании в Белом доме 20 апреля

1945 г. безапелляционно заявил: «Поскольку они [русские] нуждаются в нас больше чем мы в них, ... в важных вопросах мы должны получить 85% того, что хотим»¹³.

В британском руководстве приветствовали воинственный настрой нового президента. «Для нас большая удача, что Трумэн укрепляет свои позиции на данный момент и может повести за собой общественное мнение, — писал 14 мая 1945 г. премьер-министр Южно-Африканского Союза Я. Смэтс Черчиллю. — Надо незамедлительно дать понять России, перед лицом чего она стоит. Это надо сделать до того, как она твёрдо встанет на путь политики, которая может означать её крах, и которая приведёт к тому, что Сталин последует судьбе Гитлера» (с. 807). Я. Смэтс прекрасно угадывал настроения своего адресата: уже 11 марта 1945 г. Черчилль писал Идену о необходимости спасения Италии «от большевистской чумы» (с. 749), а 4 мая 1945 г. делился с ним своими страхами в связи с возможностью вывода американских войск из Европы — и тогда «вряд ли удастся предотвратить третью мировую войну» (с. 791–792). 12 мая 1945 г. британский премьер в письме Трумэну использовал выражение «железный занавес», который «опустился на их [русских] фронт. Мы не знаем, что происходит за ним» (с. 798). Жёсткая антисоветская и русофобская фразеология выплеснулась в пространство публичной политики стран Запада годом позже, но в их закрытых ведомственных документах она довольно широко присутствовала уже в 1945 г. В январе 1945 г. временный поверенный США в Москве Дж. Кеннан писал: «Те цели, что есть у них [русских], не вдохновлены какой-либо заботой о сохранении западных ценностей, как духовных, так и материальных. Они с подозрением относятся к любому источнику единства или моральной целостности в Европе... Чтобы не допустить существования такого единства, они будут готовы причинить народам Европы любые несчастья и зло. С точки зрения России, её безопасность — это отсутствие цельности, равновесия и гармонии в остальной Европе» (с. 727). Ещё не открылась Ялтинская конференция «большой тройки», а на Западе уже начинался процесс идейного оформления догм «холодной войны».

Черчилль болезненно воспринимал «масштабное продвижение Москвы в сердце Европы» (с. 799), называя его «одним из самых печальных событий в мировой истории» (с. 790). Он даже поручил своим военным разработать план войны против СССР («Операция «Немыслимое»», начало которой условно планировалось на 1 июля 1945 г. «В истории войн и коалиционной дипломатии, — отмечают в этой связи В.О. Печатнов и И.Э. Магадеев, — трудно найти другой пример столь вероломного отношения к своему союзнику, который только что вынес на себе главную тяжесть огромной войны и с которым Великобританию связывал полномасштабный союзный договор»¹⁴. Воинственность своего патрона быстро воспринял А. Иден: в июле 1945 г. он соглашался с Черчиллем, что «российская политика — это политика экспансии» и жаловался на то, что «по абсолютно любому поводу Россия пытается заполучить всё, что она только может... Русские с каждым днём становятся всё более бесцеремонными» (с. 861, 863).

Ухудшение отношений с западными державами подталкивало Советский Союз к переходу в глухую оборону и закреплению своего присутствия в освобождённых им государствах. «Как только в военных целях советские армии вступили на землю Восточной Европы, вопроса об “уступке” или “потере” Восточной Европы быть уже не могло, — отмечал впоследствии Ч. Болен. — В обстоятельствах Второй мировой войны, Восточная Европа не была и не могла быть в сфере влияния союзников в отличие от Советского Союза. Те, кто считает наоборот, проявляют вопиющее невежество... Более понятным примером может быть следующее: если бы Соединённые Штаты решили бы в то время навязать свою волю Латинской Америке, Советский Союз не смог бы ничего сделать, кроме как выразить свой протест, что мы и сделали в случае с Восточной Европой» (с. 873). «Соотношение сил» сыграло решающую

¹³ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, с. 320.

¹⁴ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Указ. соч., т. 2, с. 510.

роль и в урегулировании в пользу СССР польского вопроса — наиболее болезненно-го в списке противоречий между державами «большой тройки». «Польша — это краеугольный камень его [Советского Союза] политической системы, — отмечал посол Франции в Москве генерал Ж. Карту. — Он присутствует там, и только он один там присутствует. Он обладает там силой. Это позволяет ему господствовать и проявлять твёрдость и непреклонность» (с. 760).

Огромную роль в развале «большой тройки» сыграл ядерный фактор. США не только создали атомную бомбу втайне от Москвы, но и показали, что у них не дрогнет рука применить её против гражданского населения противника. «Русские были потрясены и напуганы, столкнувшись с новым оружием, против которого они сейчас бессильны, при этом находясь в потенциально враждебном окружении, — писал 30 сентября 1945 г. Трумэну «ялтинец» Дж. Дэвис... Только что Советский Союз выставили перед всем миром как государство, которому нельзя доверять секреты, даже будучи его союзниками» (с. 864). Указав, что «русские способствовали её созданию тем, что сковали основные силы врага на фронте, дав нам возможность спокойно работать над новыми видами оружия», Дж. Дэвис подверг острой критике курс на противостояние с Москвой. «Сейчас, если мы твёрдо решили, будь то воевать или готовиться к войне с русскими, мы можем не беспокоиться о том, что они о нас думают, — писал он. — Но если мы, согласуясь со здравым смыслом и соображениями нашей безопасности, намерены использовать все возможности для сохранения мира, то наша линия поведения является неправильной» (с. 865). Однако призывы Дж. Дэвиса остались гласом вопиющего в пустыне. «Они [правители России] ощущали себя непобедимыми; всё складывалось как нельзя лучше. Но внезапно эта их самоуверенность растаяла в дыму атомных бомбардировок, ... открывшим советским лидерам глаза на то, о чём они напрочь забыли в упоении собственной победой: на громадное техническое превосходство Запада» (с. 870), — с ликованием докладывал в Лондон Временный поверенный в СССР Ф.К. Робертс. Эйфория по поводу обладания бомбой обозначила точку невозврата в процессе распада «великого альянса» и развязывания «холодной войны», ставшей попыткой Запада отнять у СССР плоды Победы.

Публикация документального сборника, подготовленного в МГИМО, представляется очень своевременной. Ведь, как отмечают его авторы-составители, «время неминуемо. Оно стирает память даже о самых великих событиях, позволяя искажать их подлинный смысл и значение, которые были очевидны для современников. Яркий тому пример — растущий вал ревизионизма в отношении Второй мировой войны» (с. 877). Речь в данном случае идёт не о «естественных различиях в восприятии этой войны различными народами, победителями и побеждёнными, ...но о самой её сути. О чём была эта война? Кто был её главным зачинщиком и источником угрозы? На чьей стороне была правда?» (с. 877). Когда политики, журналисты и даже историки «пытаются перевесить ярлыки добра и зла с одних стран и народов на другие», назвать чёрное белым, а белое чёрным, лучшим противоядием против этого релятивистского антиисторизма являются рассекреченные документы военных архивов. Они должны всё громче звучать в научном и публичном информационном пространстве в условиях, когда уходят из жизни очевидцы и участники тех великих и страшных событий. Объективные свидетельства западных современников Великой Отечественной (а многие из них были настроены в отношении СССР весьма и весьма критически) порой более убедительно подтверждают нашу историческую правоту и решающий вклад в Победу, нежели изыскания профессиональных историков. В этом их безусловная и непреходящая ценность.

Выпущенный в количестве 500 экземпляров, сборник уже стал библиографической редкостью. Очевидна необходимость его скорейшего переиздания массовым тиражом, в более выразительной обложке и с широкой библиотечной рассылкой. При этом сборник выиграл бы, если бы авторы расширили его архивную «французскую» составляющую, а также снабдили его предметным указателем для облегчения читательской «навигации».

В заключение следует подчеркнуть, что выход в свет издания «Путь к Великой Победе» стал возможным благодаря огромной, многолетней, кропотливой работе авторского коллектива во главе с профессором В.О. Печатновым. Эта книга, как и предшествующий ей двухтомник «Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем», устанавливает в отечественной историографии новый уровень культуры изучения зарубежных архивных документов: их выявления, обработки, научного комментирования и осмысления. Она может быть рекомендована к широкому использованию в преподавании истории международных отношений и внешней политики России в гуманитарных вузах.

Хочется надеяться, что изучение зарубежных архивов середины и второй половины XX века через призму восприятия России Западом продолжится и станет одним из магистральных направлений развития отечественной исторической мысли в XXI веке.